

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ ДЕТЕКТИВЫ

ТАТЬЯНА ПУГАЧЕВА

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РАССКАЗЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

Детективы

Татьяна Пугачева

Детективы

«Автор»

2026

Пугачева Т.

Детективы / Т. Пугачева — «Автор», 2026 — (Детективы)

Этот сборник высокотехнологичных детективов погружает читателя в мир, где наука и технологии становятся инструментами в руках изощренных убийц. Гениальный композитор погибает в запертой звукоизолированной студии. Инновационный архитектор делает шаг в иллюзорную пропасть. Опытный альпинист срывается со скалы из-за снаряжения, которое физически не могло сломаться. А коллекционер редких орхидей задыхается в абсолютно чистой оранжерее. Следователям и экспертам предстоит распутать дела, в которых нет привычных улик, а цифровые следы стерты безупречным кодом. Чтобы найти виновных, им придется выйти за рамки стандартной криминалистики и обратиться к законам акустики, материаловедения, оптики и химии. Каждый рассказ здесь - одновременно интеллектуальная загадка и социальный портрет нашей эпохи, где доверие к технологиям делает человека уязвимым, а научная точность становится орудием правосудия. Для любителей детектива, технотриллера и поклонников криминалистической прозы.

© Пугачева Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Смерть на кончике кисти	5
Иллюзия времени	10
Вкус мести	14
Ошибка автора	20
Поляризация страха	26
Точка равновесия	31
Отравленный эндшпиль	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Детективы

Смерть на кончике кисти

Запах в мастерской Виктора Миронова был особенным. Густой, почти осязаемый коктейль из скипидара, льняного масла, даммарного лака и старой, слежавшейся пыли веков. Для кого-то эта смесь показалась бы удушливой, но для меня, Ильи Ракитина, независимого эксперта по преступлениям в сфере искусства, это был запах работы. Запах тайн.

Правда, сегодня к этому привычному букету примешивался еще один, едва уловимый оттенок. Запах смерти.

Мастерская располагалась на последнем этаже исторического здания на набережной Мойки в Петербурге. В огромные мансардные окна, сквозь которые обычно лился мягкий северный свет, сейчас барабанил мелкий, промозглый октябрьский дождь.

Виктор Эдуардович Миронов, легенда отечественной реставрации, человек, чьи руки спасали полотна Рембрандта и Айвазовского, сидел в своем любимом дубовом кресле перед мольбертом. Его голова безвольно откинулась на спинку, правая рука свесилась вниз, едва не касаясь паркета кончиками пальцев. На коленях покоилась палитра, испещренная буграми масляной краски.

- Никаких следов борьбы, Илья, - глухо произнес майор Савченко, стоя у дверей и стараясь ничего не касаться. Он выглядел неуместно в этом храме искусства со своей массивной фигурой и мокрым плащом. - Дверь была заперта изнутри на массивную задвижку. Мы ее выпилили вместе с куском косяка. Окна, как видишь, закрыты наглухо, шпингалеты заржавели, наверное, еще в прошлом веке. Черный ход заложен кирпичом лет двадцать назад.

Я медленно обошел тело по кругу. Лицо Миронова побледнело, губы приобрели легкий синюшный оттенок, но черты не были искажены предсмертной агонией. Он словно замер в момент глубокой задумчивости.

- Что говорят судмедэксперты? - спросил я, надевая латексные перчатки.

- Предварительно - острая сердечная недостаточность, вызванная сильнейшей интоксикацией. Токсикология еще работает, но врач скорой уверен, что это яд. Причем быстросействующий. Проблема в том, что мы не понимаем, как он попал в организм.

Савченко указал на небольшой антикварный столик в углу.

- Там стоит его чашка с недопитым чаем и тарелка с печеньем. Экспресс-тест чист. В крови алкоголя нет. Шприцев в мастерской нет, следов от инъекций на теле - тоже. Он заперся здесь в восемь утра, чтобы работать в тишине. В час дня его ассистент пришел в студию, стучал, звонил - безрезультатно. Вызвали нас. И вот результат. Герметичная комната, мертвый гений и ни единой зацепки.

Я приблизился к мольберту. На нем стоял холст среднего размера. Пейзаж. Утренняя дымка над рекой, силуэты деревьев, невероятная игра света на воде. Картина была великолепна.

- Что это? - спросил Савченко, проследив за моим взглядом.

- Судя по технике и палитре - неизвестный Архип Куинджи, - пробормотал я, наклоняясь ближе к холсту. - Или невероятно талантливая стилизация. Миронов работал над ней?

- Да. Его ученик сказал, что Виктор Эдуардович заканчивал реставрацию «сенсационной находки», которую собирался представить на выставке в Эрмитаже через месяц.

Я перевел взгляд на рабочий столик рядом с мольбертом. Десятки тюбиков с краской - от классической свинцовой белилы до жженой кости. Баночки с разбавителем «Тройник», куски ветоши, испачканные пигментом. И кисти. Их были сотни. Щетинные, синтетические, колонковые, беличьи. Они торчали из керамических кувшинов, как стрелы в колчане.

Но одна кисть лежала отдельно. На краю палитры. Тончайшая колонковая кисть нулевого номера. Инструмент для ювелирной работы - прорисовки мельчайших деталей, бликов в глазах портретов или, как в данном случае, тончайших веточек на фоне светлеющего неба.

Я наклонился к самому лицу покойного.

- Савченко, посмотри на его губы.

Майор подошел ближе, шурясь.

- Ну, губы как губы. Синие немного.

- На нижней губе, в самом центре, микроскопический след зеленой краски. Оттенок «виридиновая зеленая», - закончил я фразу, аккуратно приподнимая подбородок убитого концом пинцета.

Савченко нахмурился.

- Краска? И что с того? Он же художник, реставратор. У него эта краска должна быть везде: на руках, на одежде.

- На руках - да. На фартуке - безусловно, - кивнул я, выпрямляясь. - Но не на губах. Видишь ли, у многих художников-миниатюристов и реставраторов старой школы есть одна неискоренимая профессиональная привычка. Когда работаешь над мельчайшими деталями, кисть должна быть острой, как игла. Никакая палитра или тряпка не придаст колонковому ворсу идеальную форму. Поэтому они делают это губами. Слегка облизывают кончик кисти перед тем, как набрать краску, или после того, как промыли ее в растворителе, чтобы сформировать идеальное острие.

Я указал на ту самую тонкую кисть нулевого номера, лежавшую на краю палитры.

- Яд не был в чае, майор. И его не распыляли в воздухе. Убийца, видимо, знал об этой привычке Миронова. Он пропитал ворс этой конкретной кисти концентрированным токсином. Скорее всего, чем-то вроде аконитина или его синтетического аналога, который быстро всасывается через слизистую и вызывает остановку сердца. Миронов макнул кисть в растворитель, облизал ее по привычке, набрал виридиновую зеленую, сделал пару мазков на холсте... и умер.

Савченко недоверчиво посмотрел на кисть, затем достал рацию.

- Экспертов сюда. Пусть упакует эту кисточку в отдельный герметичный пакет и немедленно отправят в токсикологию.

Пока криминалисты колдовали над уликами, я подошел к окну. Дождь усилился, размывая контуры Исаакиевского собора вдалеке. Идеальное убийство. Никакого следа присутствия посторонних. Убийца просто подготовил оружие заранее и ждал, когда жертва сама приведет приговор в исполнение.

- Кто имел доступ в мастерскую? - спросил я, не оборачиваясь.

- Только сам Миронов и его единственный ученик, Денис Волков. Тот самый, который и поднял тревогу. Он сейчас в коридоре, с ним работает следователь. Парень в шоке, говорит, что Миронов был ему как отец.

- Зови его сюда, - сказал я. - Мне нужно с ним поговорить. И желательно - прямо здесь, на месте преступления.

Денису Волкову было около тридцати. Бледный, с впалыми щеками и нервными, длинными пальцами, перепачканными въевшимся пигментом. Он вошел в мастерскую, стараясь не смотреть в ту сторону, где санитары уже упаковывали тело его наставника в пластиковый мешок.

- Денис, меня зовут Илья Ракитин, - я указал ему на табурет подальше от тела. - Я помогаю следствию. Примите мои соболезнования.

- Спасибо, - голос Волкова дрожал. Он сцепил руки в замок, костяшки побелели. - Я не понимаю... У Виктора Эдуардовича было большое сердце, да, но чтобы так внезапно...

- Это не был сердечный приступ, Денис, - мягко, но непреклонно сказал я. - Его отравили.

Волков вскинул голову. В его глазах мелькнул неподдельный ужас.

- Отравили? Но как? Дверь была заперта изнутри! Я сам стучал в нее полчаса!

- Мы полагаем, что яд был нанесен на его рабочую кисть. Ту самую, которой он прописывал детали на этом холсте.

Я подошел к мольберту и внимательно посмотрел на «неизвестного Куинджи».

- Вы ведь помогали ему с реставрацией, верно? Откуда эта картина?

Волков сглотнул и отвел взгляд.

- Виктор Эдуардович нашел ее на каком-то закрытом аукционе в Европе. Она была в ужасном состоянии, под слоем потемневшего лака и поздних записей. Он работал над ней полгода. Сказал, что это будет сенсация. Ранний Куинджи, неизвестный пейзаж. Он собирался представить ее на симпозиуме в Эрмитаже.

Я достал из кармана мощную лупу с подсветкой и склонился над холстом.

Работа была поистине виртуозной. Глубокие, светящиеся изнутри лессировки - фирменный прием Куинджи. Тончайшая сетка кракелюра - трещинок, которые появляются на масляной живописи спустя десятилетия. Грязь, въевшаяся в эти трещины, выглядела абсолютно естественно.

Но что-то меня смущало.

- Скажите, Денис, - я не отрывал взгляда от холста. - А как давно вы работаете с Мироновым?

- Восемь лет. Я пришел к нему сразу после Академии художеств. Он взял меня подмастерьем. Учил всему. Смешивать пигменты по старинным рецептам, варить лаки, восстанавливать утраты...

- И вы, конечно, тоже пишете? Свои работы?

Волков горько усмехнулся.

- Писал. Когда-то. Но кому нужен неизвестный Денис Волков? Современное искусство - это маркетинг. А здесь... здесь я прикасался к вечности. Хотя платил он мне, конечно, копейки. Говорил, что опыт, который я получаю, бесценен.

- Бесценен, - эхом отозвался я. - Как и те три картины, которые Миронов «открыл» миру за последние пять лет. Неизвестный эскиз Поленова. Потерянный натюрморт Хруцкого. И вот теперь - Куинджи. Все они были проданы в частные коллекции за огромные деньги.

Я выключил лупу и повернулся к Волкову.

- Знаете, Денис, в криминалистике есть понятие почерка. У убийц он свой, у фальшивомонетчиков - свой. А у художников он называется мазком. Миронов был гениальным реставратором, но он был посредственным живописцем. Я видел его ранние работы. У него была жесткая, почти академичная кисть. Ему не хватало воздуха.

Волков напрягся. Его пальцы перестали дрожать и намертво вцепились в края табурета.

- К чему вы клоните?

- К тому, что этот Куинджи написан не Куинджи. И восстановлен не Мироновым.

Я подошел к столику с реактивами и взял стеклянный флакон с сильным растворителем, который реставраторы используют для снятия самых стойких лаков. Затем достал из упаковки ватный тампон.

- Знаете, в чем главная проблема подделок, Денис? Время. Масляная краска сохнет десятилетиями. Процесс полимеризации льняного масла невозможно ускорить ни в какой печи. Да, вы можете симитировать кракелюр, запекая холст. Можете втереть в трещины настоящую пыль из пылесоса. Можете использовать пигменты XIX века. Но химия неумолима.

Я отвинтил крышку флакона. Резкий запах растворителя ударил в нос.

- Если картине сто лет, этот растворитель снимет только верхний слой лака. Краска останется нетронутой - она окаменела. Но если картине полгода... растворитель проест ее до грунта за три секунды.

Я шагнул к мольберту и занес смоченный тампон над светящимся небом «Куинджи».

- Нет! Не смейте! - Волков вскочил с места с такой скоростью, что табурет с грохотом отлетел к стене. В его голосе звучала не паника реставратора, боящегося за шедевр. Это был крик создателя, защищающего свое дитя.

Я замер, держа тампон в миллиметре от холста. В мастерской повисла мертвая тишина. Савченко, стоявший у дверей, медленно положил руку на кобуру.

Волков тяжело дышал, глядя на меня расширенными глазами. Он понял, что выдал себя с головой.

- Вы не притронетесь к ней, - прошептал он, и в его голосе прорезалась жуткая, отчаянная гордость. - Это моя лучшая работа. Я потратил на нее семь месяцев. Я сам тер пигменты. Я изучал каждый мазок Архипа Ивановича. Это не подделка. Это... реинкарнация.

Я опустил руку с тампоном.

- Как и Поленов? Как и Хруцкий?

Волков нервно сглотнул и опустился на пол прямо там, где стоял, прислонившись спиной к стене. Из него словно выпустили воздух.

- Он был паразитом, - тихо, почти безжизненно произнес Волков. - Миронов. Великий реставратор, спаситель искусства. Знаете, как мы работали? Он находил на барахолках старые, не представляющие ценности холсты XIX века. Смывал с них живопись до старого грунта. А потом я писал. Я создавал шедевры. Я жил в этой мастерской, дышал скипидаром, слеп от лупы.

Он посмотрел на пустую палитру, где еще недавно лежала отравленная кисть.

- А когда работа была готова, он вызывал экспертов. Он показывал им промежуточные этапы «реставрации», которые мы заранее фотографировали. Ему верили безоговорочно. Его имя было знаком качества. Он продавал мои картины за сотни тысяч долларов. А мне платил зарплату ассистента - сорок тысяч рублей в месяц. И говорил, что я должен быть благодарен за возможность «прикасаюсь к вечности».

- И когда вы узнали, за сколько он собирается продать этого «Куинджи», вы решили положить этому конец, - констатировал я.

- Покупатель предложил два миллиона евро, - Волков горько усмехнулся. - Два миллиона. Я попросил у него хотя бы десять процентов, - голос Волкова сорвался на хрип. - Сказал, что хочу открыть свою студию, хочу писать под своим именем. Знаете, что он ответил?

Денис поднял на меня глаза, полные слез и застарелой, гниющей обиды.

- Он рассмеялся. Сказал, что без его сертификата подлинности, без его связей в Эрмитаже и Третьяковке моя, как он выразился, «мазня» не стоит даже тех денег, что мы потратили на старый холст. Он сказал, что я - никто. Просто инструмент в его руках. Удобная кисть, которой он создает историю.

Волков горько усмехнулся и вытер лицо испачканным краской рукавом.

- Инструмент... Что ж, я решил, что инструмент имеет право нанести свой последний удар.

- Где вы взяли яд, Денис? - тихо спросил я, откладывая флакон с растворителем обратно на столик.

- Аконит, - просто ответил он. - Я сам экстрагировал его из корней борца. Мы же алхимики, Илья. Реставратор должен знать химию лучше любого фармацевта. Выварить токсин, очистить его, смешать с каплей гуммиарабика, чтобы он не испарился и не потерял свойств на ворсе... Это было даже проще, чем подобрать правильный оттенок виридиновой зеленой.

Он перевел взгляд на безжизненное тело Миронова в другом конце комнаты. Санитары уже застегнули молнию на черном мешке.

- Я знал, что сегодня утром он будет прописывать ветви деревьев на фоне светящегося неба. Это финальный штрих. Для него нужна только «нулевка». Я пропитал ее экстрактом

вчера вечером, перед уходом. Высушил. Положил на край палитры. И ушел. Я знал, что дверь будет заперта. Знал, что он никого не впустит. Он сам все сделал. Его убила его же привычка к идеальному мазку.

В мастерской снова повисла тишина, нарушаемая лишь монотонным шумом дождя за окном. Вся ярость, весь адреналин покинули Волкова. Он сидел на полу - опустошенный, сломанный, но парадоксально спокойный. Человек, который наконец-то признался миру в своем таланте, пусть и такой страшной ценой.

Майор Савченко тяжело вздохнул, шагнул вперед и достал наручники. Металлический лязг прозвучал в храме искусства резко и чужеродно.

- Денис Волков, вы задержаны по подозрению в убийстве Виктора Миронова, - дежурной скороговоркой произнес майор, помогая парню подняться на ноги. - Вы имеете право хранить молчание...

Денис не сопротивлялся. Он покорно протянул руки. Когда Савченко повел его к выходу, Волков остановился в дверях и обернулся ко мне.

- Илья... - позвал он.

- Да, Денис?

- Что будет с картиной?

Я посмотрел на мольберт. Пейзаж дышал утренней свежестью. Вода на холсте казалась живой, она ловила скудный свет из мансардного окна и отдавала его обратно, словно настоящее зеркало. Это была не просто искусная подделка. Это была живопись высочайшего уровня. Трагедия заключалась в том, что она родилась в тени чужого тщеславия и была крещена ядом.

- Она пойдет в хранилище вещдоков, Денис, - честно ответил я. - Как орудие преступления. Как доказательство мотива. А потом, скорее всего, ее уничтожат по решению суда. Ведь официально это фальшивка.

В глазах Волкова что-то окончательно потухло. Он кивнул, отвернулся и покорно шагнул в темный коридор вслед за конвоем.

Я остался в мастерской один, дожидаясь, пока криминалисты закончат опись. Запах скипидара и старой пыли больше не казался мне запахом тайн. Теперь это был запах склепа.

Я подошел к мольберту и еще раз взглянул на «Куинджи». Идеальный кракелюр. Идеальные лессировки. Идеальное убийство.

Миронов был прав в одном: современное искусство - это жестокий бизнес, где имя на холсте стоит в тысячи раз дороже самого холста. Но он забыл главное правило любого творца. Никогда не загоняй в угол того, кто умеет смешивать краски. Потому что однажды вместо льняного масла он добавит в них собственную ненависть.

Я накинул пальто, бросил последний взгляд на пустую палитру и вышел под петербургский дождь, оставляя мертвый шедевр в пустой мастерской.

Иллюзия времени

Мерный, убаюкивающий стук колес фирменного экспресса «Северное сияние», летящего сквозь снежную бурю из Москвы в Мурманск, всегда действовал на меня как снотворное. Я, Артур Соколов, бывший следователь, а ныне частный детектив, ехал в отпуск, мечтая лишь о тишине, горячем чае в подстаканнике и хорошей книге.

Но у судьбы, как и у железной дороги, свои расписания.

В дверь моего купе робко постучали. На пороге стоял Степан Ильич - пожилой, всегда безупречно вежливый проводник нашего VIP-вагона. Его лицо, обычно румяное, сейчас сливалось по цвету с накрахмаленным воротничком форменной рубашки.

- Артур Павлович... - голос старика дрогнул. - Простите ради бога. Начальник поезда сказал, вы из бывших... У нас в седьмом купе беда.

Спустя две минуты я стоял в дверях седьмого купе. Внутри пахло дорогим коньяком, мужским парфюмом с нотами сандала и тем специфическим, металлическим запахом, который всегда сопровождает насильственную смерть.

На полу, неестественно вывернув шею, лежал Аркадий Зотов. Известный в узких кругах «решала» и шантажист, сколотивший состояние на чужих грязных тайнах. Я узнал его сразу - наши пути однажды пересекались. Его лицо побагровело, глаза выкатились, а на шее багровела глубокая борозда от шелкового галстука, который кто-то затянул с нечеловеческой силой.

Рядом с телом на корточках сидел полноватый мужчина в очках - Лев Борисович, хирург из соседнего вагона, которого Степан позвал первым.

- Мертв, - констатировал врач, поднимаясь и вытирая руки платком. - Задушен.

- Когда? - коротко спросил я, привычно сканируя взглядом пространство: перевернутый стакан на столике, смятая постель, приоткрытый кейс.

- Совсем недавно. Тело еще теплое, трупное окоченение не наступило. Но нам не нужно гадать со временем, Артур Павлович. Взгляните.

Хирург указал на левую руку убитого. На запястье Зотова тускло блестели массивные швейцарские часы «Patek Philippe». Стекло циферблата было вдребезги разбито, стрелки замерли.

- Четверть двенадцатого, - прочитал я. - 23:15.

- Именно, - кивнул хирург. - Судя по вмятине на углу металлического столика, в ходе борьбы Зотов ударился рукой. Механизм сломался, зафиксировав точное время смерти. Сейчас 23:40. Значит, убийство произошло ровно двадцать пять минут назад.

Я повернулся к бледному Степану Ильичу, который нервно теребил пуговицу на кителе.

- Кто еще едет в вагоне?

- Трое, не считая вас и покойного, - сглотнув, ответил проводник. - Бизнесмен Громов, актриса Ланская и депутат Воронов.

Я усмехнулся. Идеальная компания для шантажиста. Каждый из этой троицы имел скелеты в шкафу, которые Зотов с удовольствием превращал в золото. Мотив был у всех.

- Где они были в 23:15? - спросил я.

- В вагоне-ресторане, - уверенно ответил Степан Ильич. - Все трое. Они ушли туда еще в десять вечера. А в 23:15 наш поезд проходил стрелку на станции Бологое, тряхнуло так, что в ресторане подносы посыпались. Бармен подтвердит: Громов, Ланская и Воронов в этот момент помогали собирать посуду. Они были на виду у десятка свидетелей.

Я нахмурился. Герметичный детектив в чистом виде. Три человека, ненавидящих жертву. Три идеальных мотива. И у всех троих - железобетонное алиби, подтвержденное независимыми свидетелями и стрелками разбитых часов.

- А где были вы, Степан Ильич? - мягко поинтересовался я.

- Я? - старик заморгал. - Я был в служебном купе. Сдавал бельевою ведомость начальнику поезда. Он сидел со мной с одиннадцати до половины двенадцатого.

Я кивнул, надел перчатки и шагнул в купе.

Внимательно осмотрел разбитые часы. Дорогая механика. Удар действительно пришелся точно на стекло, деформировав ось стрелок. Они вмерзли в циферблат намертво.

Затем я перевел взгляд на столик. Рядом с перевернутым стаканом лежала дорожная таблетница с отделениями по дням недели. Ячейка «Четверг. Вечер» была заполнена - внутри лежала розовая таблетка гипотензивного препарата. Зотов был гипертоником.

Я опустил на колени и осмотрел карманы жертвы. В левом внутреннем кармане пиджака лежал смартфон. Экран был цел, но заблокирован. Я нажал кнопку питания. На экране блокировки высветились обои с дорогой машиной и список пропущенных уведомлений.

Я смотрел на экран около минуты. Пазл, казавшийся неразрешимым, вдруг сложился в ясную, холодную картину. Иллюзия рассыпалась.

- Степан Ильич, - не оборачиваясь, позвал я. - Попросите доктора оставить нас. И закройте дверь.

Когда щелкнул замок, отрезая нас от шума коридора, я медленно поднялся и посмотрел в глаза старому проводнику. В них плескался страх, но страх загнанного человека, а не хладнокровного убийцы.

- Знаете, в чем проблема механических часов, Степан? - негромко начал я. - Они показывают время, но не сохраняют историю. Их можно обмануть.

Старик молчал, вцепившись побелевшими пальцами в ручку двери.

- Громов, Ланская и Воронов не убивали Зотова, - продолжил я, шагнув к нему. - У них было алиби на 23:15. И у вас было алиби на 23:15. Убийца это прекрасно знал. Потому что убийца сам создал это время.

Я поднял руку, имитируя удар.

- Убийство произошло на час раньше. Примерно в 22:15. В это время Громов, Ланская и Воронов уже сидели в ресторане. Начальник поезда еще не пришел к вам за ведомостью. Вы были в вагоне совершенно одни. Вы вошли к Зотову, накиннули ему удавку на шею, пока он сидел к вам спиной, заполняя какие-то бумаги, - закончил я фразу, не сводя глаз с лица проводника. - Вы затянули узел. А когда он перестал дышать, вы сняли с его запястья часы, вытянули заводную головку, перевели стрелки ровно на час вперед - на 23:15 - и с силой ударили ими об угол стола, симитировав борьбу. Затем надели их обратно на руку трупу.

Степан Ильич тяжело оперся о переборку купе. Его руки дрожали.

- Это... это фантазии, Артур Павлович. Зачем мне убивать пассажира? И врач сказал...

- Врач опирался на температуру тела, - перебил я. - Но в этом купе жарко, батареи топят на полную мощность, а тело остывает медленно. Погрешность в час для такого осмотра - обычное дело. А вот электронику обмануть сложнее.

Я поднял с пола смартфон Зотова и повернул экраном к проводнику.

- Вы продумали всё: расписание поезда, алиби соседей, визит начальника. Но вы забыли одну деталь. Я обратил внимание на таблетницу. Ячейка за вечер четверга полна. Зотов - гипертоник. Такие люди пьют таблетки строго по часам, чтобы не спровоцировать криз. И чтобы не забыть, они ставят будильник.

Я нажал на экран, высвечивая список пропущенных уведомлений.

- Смотрите, Степан Ильич. На экране висит пропущенный будильник. Срабатывание - ровно в 22:30. Текст: «Принять лекарство». Будильник звонил целую минуту, но его никто не отключил. Он ушел в беззвучный режим ожидания.

Я сделал шаг к проводнику, сокращая дистанцию.

- Зотов не мог игнорировать этот звонок, если был жив. И он не мог умереть в 23:15, оставив будильник, звонивший сорок пять минут назад, без внимания. В 22:30 он был уже мертв. А в это время в вагоне не было никого, кроме вас.

Степан Ильич смотрел на светящийся экран телефона, как на приговор. Его плечи опустились, форменная фуражка съехала набок, обнажив редкие седые волосы. Внезапно он показался мне очень старым и бесконечно уставшим.

- Леночка... - прошептал он сухими губами. - Моя дочь.

Он медленно сполз по стене и тяжело опустился на откидное сиденье напротив тела.

- Она работает в банке. Кредитный отдел. Полгода назад она совершила ошибку... Глупую, страшную ошибку с документами, чтобы помочь мужу закрыть долги. Зотов как-то об этом узнал. Он выкупил эту информацию.

Голос старика дрожал, но слез не было. Только глухая, выжженная ярость.

- Он тянул из нее деньги месяцами. Муж ушел. Лена продала квартиру, переехала ко мне. Но Зотову было мало. Вчера она позвонила мне и сказала, что больше не может. Что ей проще шагнуть под поезд, чем продолжать этот ад. А вечером я увидел его в списке пассажиров моего вагона.

Степан Ильич поднял на меня глаза.

- Я всю жизнь служил на железной дороге, Артур Павлович. Всю жизнь мыл полы, разносил чай, улыбался хамам. Но я не мог позволить этой мрази толкнуть мою девочку под колеса. Когда все ушли в ресторан, я взял свой форменный галстук... Я не жалею. Можете звать начальника поезда.

В купе повисла тяжелая тишина. За окном в крошечной тьме завывала метель, снег хлестал по стеклам. Экспресс неумолимо мчался вперед, прорезая ночь.

Я посмотрел на мертвого шантажиста. Затем на старика, который ради жизни своего ребенка переступил черту. Я давно ушел из органов именно потому, что закон и справедливость - это далеко не всегда одно и то же.

Я молча подошел к столу, взял смартфон Зотова и, введя стандартный экстренный код сброса, который знал еще со времен службы, запустил полное форматирование памяти. Экран мигнул и погас, стирая архивы, компроматы и переписки.

Затем я открыл приоткрытый кейс убитого. На самом дне лежала тонкая синяя папка. Я пролистал ее - банковские выписки, фотографии, распечатки. На одной из них я увидел лицо молодой девушки с глазами Степана Ильича.

Я достал из кармана зажигалку, чиркнул колесиком и поднес пламя к краю папки. Когда бумага весело занялась, я бросил ее в металлическую пепельницу на столе.

Степан Ильич смотрел на меня, неверяще приоткрыв рот.

- Что вы делаете? - одними губами спросил он.

- Я еду в отпуск, Степан Ильич, - спокойно ответил я, наблюдая, как компромат на его дочь превращается в серый пепел. - Я частное лицо. И я только что провел неофициальный осмотр места происшествия.

Я стряхнул пепел, тщательно раздавил его ложкой для обуви и повернулся к проводнику.

- Полиция подсядет в Петрозаводске. Они увидят разбитые часы. Увидят время - 23:15. Увидят ваше алиби. У них будет три идеальных подозреваемых из вагона-ресторана, у каждого из которых был мотив и возможность нанять профессионала. Громов, Ланская, Воронов - у них хватит денег на лучших адвокатов, чтобы развалить это дело в суде. А у вас, Степан Ильич, есть дочь, которой вы сейчас нужны живым и на свободе.

Я поднял с пола свой пиджак и подошел к двери.

- Но если вы еще раз решите поиграть со временем, - тихо добавил я, не оборачиваясь, - помните, что у каждого механизма есть свой предел прочности. Принесите мне чаю, Степан Ильич. Черного, с лимоном. У меня бессонница.

Я вышел в пустой коридор, аккуратно прикрыв за собой дверь седьмого купе. Поезд слегка качнуло на стыке рельс, и мы помчались дальше, сквозь снежную бурю, оставляя позади разбитые часы и сломанные судьбы.

Вкус мести

Гастрономия и криминалистика имеют много общего. И там, и там важны детали, температурный режим и время выдержки. Разница лишь в том, что шеф-повар смешивает ингредиенты, чтобы подарить удовольствие, а убийца - чтобы отнять жизнь.

Ресторан «Эфемер», спрятанный в тихом переулке на Патриарших прудах, славился своей закрытостью. Сюда не пускали с улицы, столики бронировали за полгода, а меню не существовало в природе - гости ели то, что в этот вечер решал приготовить шеф. Сегодня здесь подавали смерть.

Я, майор уголовного розыска Ян Волков, стоял посреди роскошного зала, отделанного черным мрамором и мореным дубом. Воздух был пропитан ароматами трюфельного масла, шафрана, дорогого алкоголя и тем едва уловимым, металлическим запахом адреналина, который всегда оставляет после себя внезапная смерть.

В центре зала, за круглым столом, откинувшись на спинку бархатного кресла, сидел Эдуард Горский. Ему было пятьдесят два. При жизни он был самым влиятельным, желчным и беспощадным ресторанным критиком столицы. Его статьи могли сделать из забегаловки культовое место, а могли уничтожить империю с мишленовскими амбициями.

Сейчас Горский был мертв. Его обычно бледное, надменное лицо приобрело жутковатый сине-багровый оттенок, глаза выкатились, а на губах застыла пена. Руки судорожно вцепились в подлокотники кресла.

Вокруг стола жались трое выживших гостей закрытой дегустации: бледная как мел редактор глянцевого журнала, трясущийся фуд-блогер и ресторатор-инвестор, нервно протирающий очки.

- Рассказывайте еще раз, по минутам, - велел я, подходя к столу и осматривая посуду.

- Это... это было невероятно, - заикаясь, начал фуд-блогер. - Марат Зимин, шеф-повар, пригласил нас на премьеру своего нового сета. Горский пришел последним. Он был в отвратительном настроении, сразу начал придираться к сервировке.

- Что вы ели? - я указал на массивный медный котел, стоявший на горелке в центре стола. Внутри булькало густое, пряное варево насыщенного рубинового цвета.

- Это было главное блюдо, - подала голос редакторша, кутаясь в шаль. - Авторская вариация сычуаньского хого. Огненный бульон. Мы все ели из одного котла. Официант принес сырые морепродукты и мраморную говядину, и мы сами опускали их в кипящий бульон.

- И вино? - я кивнул на хрустальные бокалы.

- Из одного декантера, - подтвердил инвестор. - Марат сам разливал. Мы все пили. Мы все ели этот бульон. Но плохо стало только Эдуарду.

- Как именно это произошло?

- Он съел кусок мяса, щедро обмакнув его в бульон, - блогер нервно сглотнул. - Сказал что-то вроде: «Зимин, как всегда, маскирует бездарность специями». Потом закашлялся. Мы подумали, что он просто поперхнулся - бульон был дьявольски острым. Но он начал задыхаться. Покраснел. Полез во внутренний карман пиджака за своим ингалятором от астмы. Он всегда носил его с собой, у него была аллергия на некоторые приправы, и острая пища часто провоцировала спазм. Он сделал вдох из баллончика... и вдруг захрипел, выронил его, схватился за горло и рухнул в кресло. Через минуту он был мертв.

Я опустил взгляд на пол. Рядом с начищенным до блеска ботинком Горского валялся стандартный пластиковый ингалятор синего цвета. Защитного колпачка на нем не было.

В зал вошел судмедэксперт Петрович, таща за собой чемоданчик.

- Ну что тут у нас, Ян? Опять богатые плачут? - он склонился над телом. - Ого. Классическая картина тяжелой интоксикации. Смерть наступила от паралича дыхательного центра

и остановки сердца. Очень похоже на действие сильного алкалоида. Аконит, например. Или стрихнин.

- Гости говорят, они ели из одного котла и пили из одной бутылки, Петрович. Но труп только один.

Эксперт пожал плечами, доставая пинцет и пробирки.

- Значит, яд был не в котле. Может, на его вилке? Или на краю его бокала?

Я покачал головой.

- Слишком рискованно. Вилки могли перепутать. Бокалы тоже. Убийце нужна была стопроцентная гарантия, что яд попадет только в организм Горского и никого другого.

Я присел на корточки и, надев латексные перчатки, аккуратно поднял с пола синий ингалятор. Пластиковый мундштук слегка блестел в свете ресторанных софитов.

- Петрович, посвети-ка сюда.

Эксперт направил луч фонарика на ингалятор. На белом пластике мундштука, у самого края, виднелся едва заметный, маслянистый желтоватый след.

- Что скажешь? - спросил я.

- Похоже на какую-то эмульсию, - нахмурился Петрович. - Если это то, о чем я думаю... Контактный яд, смешанный с масляной основой, чтобы не высох и не испарился. Горский берет ингалятор, берет мундштук в губы, делает глубокий вдох. Яд мгновенно всасывается через слизистую рта и вместе с лекарством попадает прямо в легкие. Идеальная доставка в кровоток. Смерть наступает за секунды.

Я выпрямился, бережно опуская ингалятор в zip-пакет для улик.

Головоломка складывалась. Убийце не нужно было травить еду. Ему нужно было просто заставить Горского воспользоваться ингалятором. А что может спровоцировать приступ астмы у человека с чувствительными бронхами лучше, чем невероятно острое, обжигающее сычуаньское блюдо, щедро приправленное перцем?

Убийца знал привычки жертвы. Знал о его болезни. И знал, что Горский носит ингалятор во внутреннем кармане пиджака.

Я повернулся к гостям.

- Где был пиджак Горского до того, как он его надел?

- В VIP-гардеробе, - тихо ответила редакторша. - Мы все оставили там верхнюю одежду и пиджаки, в зале было очень тепло из-за открытой кухни. Эдуард попросил официанта принести его пиджак, только когда подали это огненное блюдо. Сказал, что ему понадобится лекарство.

- Кто имел доступ в гардероб?

- Да кто угодно из персонала, - пожал плечами инвестор. - Там нет номерков, это же закрытый клуб.

Я кивнул Петровичу, чтобы он продолжал осмотр тела, а сам направился в святая святых любого ресторана - на кухню.

Кухня «Эфемера» напоминала операционную будущего. Никакого жира, никакой грязи. Идеально чистые поверхности из хирургической стали, бесшумные вытяжки, ряды су-видов и индукционных плит.

У огромного металлического стола стоял Марат Зимин. Высокий, широкоплечий мужчина с сединой на висках и руками, испещренными мелкими шрамами от ожогов и порезов - профессиональная метка тех, кто годами работает с раскаленными сковородками и острыми, как бритва, японскими ножами. Шеф-повар стоял спиной ко мне и методично, с пугающим спокойствием, точил филейный нож о керамический мусат. Вжик. Вжик. Вжик.

Звук разносился по пустой кухне эхом. Весь остальной персонал - су-шефы, линейные повара, мойщики - жался в дальнем углу у служебного выхода, напуганный до смерти.

- Марат Зимин? - я остановился в паре метров от него.

Он медленно повернулся. У него было жесткое, волевое лицо римского патриция и глаза человека, который привык к абсолютному контролю. Ни тени паники. Ни капли сожаления.

- Майор Волков, - он положил нож на магнитную доску. - Полагаю, ужин окончен? Как там Эдуард?

- Мертв. И вы это прекрасно знаете.

Зимин взял белоснежное вафельное полотенце и тщательно вытер руки.

- Я знаю только то, что у гостя случился приступ удушья в моем зале. Это трагедия для заведения. Но, с другой стороны, Горский при жизни уничтожил столько ресторанов, что половина Москвы сегодня откроет шампанское.

- Вы, судя по всему, в их числе?

- Я не пью шампанское на рабочем месте, майор, - холодно ответил шеф. - И Горский не мог уничтожить «Эфемер». Мой ресторан безупречен. Моя еда - это искусство. А Эдуард, при всех его пороках, умел ценить искусство. Он пришел сегодня, чтобы написать восторженную рецензию.

- Или чтобы растоптать вас.

Зимин усмехнулся, подходя к блестящему стальному столу, на котором в идеальном порядке были выстроены десятки стеклянных бутылочек с дозаторами.

- Вы не понимаете специфики нашего бизнеса, Волков. Горский был паразитом, да. Но паразитом умным. Он не убивал дойную корову.

- Зато кто-то убил его, - я подошел ближе, скользя взглядом по бутылочкам. Масла, укусы, эссенции. - При чем сделал это виртуозно. Яд был нанесен на мундштук его ингалятора. И убийца знал, что Горский обязательно им воспользуется именно сегодня, именно за вашим столом.

Я внимательно посмотрел в глаза Зимину.

- Сычуаньский хого. Огненный бульон. Это вы решили подать его сегодня?

- Это дегустационный сет, майор. Я решаю, что подавать. Хого был кульминацией. Смесь двадцати видов перца, включая «Каролинский жнец». Капсаицин в чистом виде. Он должен был взорвать рецепторы перед подачей нежнейшего десерта. Контраст температур и вкусов.

- И этот взрыв рецепторов спровоцировал у Горского спазм бронхов. Вы знали о его астме?

- Весь гастрономический мир знал о его астме, - Зимин пожал плечами. - Но Горский обожал острое. Это был его личный сорт мазохизма. Он всегда носил ингалятор и никогда не отказывался от моих блюд. Я не несу ответственности за его медицинскую карту. Мое дело - готовить.

Я кивнул, соглашаясь с его логикой.

- Верно. Ваше дело - готовить. А мое - искать тех, кто готовит убийства.

Я оставил Зимина у стола и направился к стойке поваров, жмущихся у выхода. Выдернул из толпы бледного, как сметана, паренька в фартуке официанта.

- Как тебя зовут? - спросил я, отводя его в сторону.

- И-илья, - заикаясь, ответил тот.

- Илья, ты обслуживал стол Горского? Ты принес ему пиджак из гардероба?

- Д-да. Он махнул мне рукой, когда начал кашлять. Я побежал в гардероб, схватил его пиджак - он один там висел, остальные гости сдали пальто - и принес ему.

- В гардероб еще кто-то заходил во время ужина?

Илья нервно сглотнул, бросив испуганный взгляд в сторону Зимина.

- Нет. То есть, из гостей - никто. Мы, официанты, тоже туда не ходили, незачем было.

- А кто ходил? - я слегка нажал на плечо парня.

- Шеф, - шепотом выдавил Илья. - Минут за двадцать до подачи хого. Он ходил в винную комнату за декантером. А вход в винную комнату... он прямо через гардеробную.

Я отпустил парня. Пазл начал складываться в стройную, пугающе красивую картину.

Я вернулся в зал. Петрович уже закончил первичный осмотр и упаковывал свои инструменты. Тело Горского накрыли черным пластиком.

- Петрович, ты можешь прямо сейчас сделать экспресс-анализ той желтой эмульсии на ингаляторе? Мне нужно знать ее состав. Не яда, а именно основы, в которой он растворен.

Эксперт недовольно крикнул, но достал портативный спектрометр.

- Могу. Но это даст только базовую органику. Секунду.

Он осторожно провел ватной палочкой по мундштуку ингалятора, поместил образец в кювету прибора и запустил анализ. На маленьком экране побежали графики.

- Интересно, - пробормотал Петрович, сдвигая очки на лоб. - Это растительное масло. Но очень необычное профилирование жирных кислот. Не подсолнечное, не оливковое. Высокое содержание эруковой кислоты и специфических эфиров. Знаешь, Ян, на что это похоже? На нерафинированное горчичное масло. Причем холодного отжима, очень плотное.

- Горчичное масло... - эхом отозвался я.

Я развернулся и быстрым шагом пошел обратно на кухню. Зимин стоял на том же месте, скрестив руки на груди.

- Марат, - я подошел к его рабочему столу с рядами дозаторов. - Вы ведь перфекционист, не так ли?

- В моей профессии иначе не выжить.

- И вы контролируете каждую каплю, которая попадает в тарелку гостя. Яд, которым отравили Горского, был смешан с маслом. С очень специфическим маслом. Чтобы токсин не испарился, не высох на пластике ингалятора и мгновенно впитался в слизистую. Убийце нужен был идеальный связующий агент.

Я провел рукой над бутылочками.

- Трюфельное. Кунжутное. Масло авокадо. Аргановое. А вот это...

Я остановил палец над небольшим флаконом из темного стекла. Внутри плескалась густая янтарная жидкость. На наклейке от руки было написано: «Brassica juncea. Резерв».

- Дикая сарептская горчица, - прочитал я. - Редкая вещь. Дает невероятную пикантность и идеальную текстуру эмульсиям. Я прав?

Лицо Зимина оставалось непроницаемым, но мускул на его скуле едва заметно дрогнул.

- Вы неплохо разбираетесь в гастрономии, майор. Да, это мое авторское масло. Я привожу семена из Астрахани и давяю его сам на ручном прессе.

- И именно это масло стало транспортом для яда.

Я оперся обеими руками о стальной стол и подался вперед.

- Давайте я расскажу вам, как вы приготовили свое лучшее блюдо, Марат. Вы знали, что Горский придет. Знали, что он астматик. Вы составили меню так, чтобы кульминацией стал невыносимо острый хого. Вы рассчитали всё по минутам. За двадцать минут до подачи вы пошли в винную комнату. Прошли через гардероб. Достали из внутреннего кармана пиджака Горского ингалятор. Вы нанесли на мундштук каплю своего авторского горчичного масла, в котором заранее растворили смертельную дозу алкалоида. Аконита, скорее всего.

Я сделал паузу, наблюдая за его реакцией. Он молчал, глядя на меня холодными, немигающими глазами.

- Масло удержало яд на месте. Оно не дало ему высохнуть. Затем вы вернулись на кухню и приказали подавать хого. Горский съел мясо, пропитанное капсаицином. Его бронхи сжались. Он запаниковал, попросил пиджак, схватил ингалятор и сделал глубокий вдох. Яд, смешанный с маслом, мгновенно всосался в кровь через слизистую. Идеальное убийство. Никаких следов в еде, никаких подозрений на кухню. Если бы не капля эмульсии на пластике, все решили бы, что у него просто не выдержало сердце от острой пищи.

В кухне повисла тяжелая, густая тишина. Гудел холодильник шоковой заморозки. Где-то капала вода.

Зимин медленно расцепил руки. Он взял со стола флакон с горчичным маслом, покрутил его в пальцах, любуясь игрой света в янтарной жидкости.

- Знаете, в чем ваша ошибка, Волков? - его голос звучал пугающе спокойно. - Вы ищете логику там, где правит страсть. Вы думаете, я убил его из-за рецензии? Из-за того, что он мог закрыть мой ресторан?

Он поставил флакон на место и посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде вдруг провалилась такая первобытная, темная ярость, что мне на секунду стало не по себе.

- Пять лет назад у меня был су-шеф. Максим. Мальчишка, гений. Он чувствовал вкусы так, как не дано никому из нас. Мы открыли с ним маленькое бistro. Вложили все деньги, заложили квартиры. Это был проект нашей жизни.

Зимин тяжело оперся о стол, словно воспоминания давили на него физически.

- Горский пришел к нам через месяц после открытия. Ему понравилось. Очень. Но после ужина он отвел меня в сторону и назвал цену. Тридцать процентов от прибыли ежемесячно на его офшорный счет. За «информационную поддержку и защиту от конкурентов». Обыкновенный рэкет в красивой обертке. Я послал его к черту.

Шеф-повар горько усмехнулся.

- На следующий день вышла его статья, где он не просто раскритиковал еду, а уничтожил нас! Он написал, что мы используем просроченные морепродукты, что на кухне царит антисанитария, а соусами мы маскируем вкус гнили. Это была ложь от первого до последнего слова, но у него была аудитория в полмиллиона человек. К нам пришли с проверками. Поставщики разорвали контракты. Через три месяца банк забрал помещение за долги.

Максим не выдержал. Он был слишком хрупким для этого бизнеса. В тот день, когда мы подписали бумаги о банкротстве, он вернулся на пустую кухню и повесился на шнуре от промышленного тестомеса.

Зимин замолчал. Его лицо, до этого напоминавшее каменную маску, вдруг исказила гримаса застарелой, невыносимой боли.

- Горский убил его, Волков. Убил так же верно, как если бы сам накинул ему петлю на шею. А потом пошел дальше - жрать в дорогих ресторанах и ломать чужие судьбы. Я ждал пять лет. Я создал «Эфемер», выстроил безупречную репутацию. Я сделал всё, чтобы этот ублюдок сам пришел ко мне, требуя столик.

- И вы приготовили ему аконит, - тихо сказал я.

- Экстракт корня синего борца, - поправил Зимин с профессиональной дотошностью. - Вываривал его трое суток. Идеально растворяется в масле дикой горчицы. Горечь алкалоида полностью нивелируется пикантностью основы. Ни запаха, ни вкуса на пластике. Иронично, не правда ли? Горский задохнулся от того же, от чего задыхался Максим. От нехватки кислорода.

Шеф-повар медленно развязал тесемки своего белоснежного фартука. Снял его, аккуратно, край к краю, свернул и положил на сияющий стальной стол рядом с флаконом авторского масла.

Он повернулся ко мне и спокойно вытянул руки вперед, соединив запястья.

- Мое лучшее блюдо подано, майор. Можете выписывать счет.

Я достал наручники. Металлический лязг браслетов разнесся по стерильной кухне громче, чем стук ножа. Зимин не вздрогнул. В его глазах не было ни страха перед судом, ни раскаяния. Только абсолютная, ледяная пустота человека, чья миссия наконец-то завершена.

- Знаете, Марат, - сказал я, беря его за локоть и направляя к служебному выходу, - говорят, что месть - это блюдо, которое подают холодным.

- Глупости, - сухо отозвался шеф-повар, шагая впереди меня. - Месть нужно подавать обжигающе острой. Чтобы рецепторы запомнили ее навсегда.

Мы вышли через черный ход на сырую, продуваемую ветром московскую улицу. В переулке уже пульсировали сине-красные мигалки полицейских машин. Дождь смывал с асфальта городскую пыль, но я чувствовал, что запах трюфеля, шафрана и смерти останется в моих легких еще очень надолго.

Гастрономия и криминалистика действительно имеют много общего. Иногда идеальный рецепт требует слишком высокой цены. И в счете, который сегодня оплатил Марат Зимин, чаевые измерялись остатком его собственной жизни.

Ошибка автора

Писатели - страшные люди. Они привыкли играть в демиургов, безжалостно распоряжаясь судьбами вымышленных персонажей. Они убивают, воскрешают, ломают жизни и даруют спасение росчерком пера. Но самое опасное начинается тогда, когда автор забывает, где заканчивается книжная страница и начинается реальный мир.

Меня зовут Глеб Тарасов, я старший следователь убийного отдела. За пятнадцать лет службы я видел маньяков, психопатов, расчетливых жен и жадных наследников. Но дело Вероники Власовой стояло особняком. Оно пахло типографской краской, дорогим парфюмом и абсолютной, ледяной расчетливостью.

Всё началось промозглым ноябрьским утром, когда Вероника - автор серии бестселлеров в жанре психологического триллера - ворвалась в мой кабинет. Она выглядела безупречно даже в истерике: кашемировое пальто, бледное лицо, идеальная укладка, чуть растрепавшаяся ровно настолько, чтобы подчеркнуть ее душевное смятение.

- Он читает мои мысли, следователь, - заявила она, бросив на мой стол пухлую папку с распечатками. - Или кто-то украл мою рукопись.

Я налил ей воды и попросил начать с начала.

Оказалось, что последние полгода Вероника работала над новым романом «Архитектор теней». Книга еще не была опубликована. Более того, она даже не была закончена. Доступ к черновику имели только два человека: сама Вероника и ее бессменный литературный агент Борис Коган.

- Месяц назад в Битцевском парке нашли тело девушки, - Вероника обхватила стакан дрожащими пальцами с идеальным маникюром. - Удушение шелковым шарфом, во рту - белая лилия. Это первая глава моего романа. Я думала, это совпадение. Жуткое, но совпадение. А три дня назад... бизнесмен в Москва-Сити. Отравлен тетродоксином, тело усажено в кресло лицом к панорамному окну.

Я напрягся. Детали этих двух нераскрытых убийств не разглашались прессе.

- Это вторая глава, - прошептала писательница. - Кто-то завладел моим текстом. И этот кто-то воплощает его в жизнь. Понимаете? Убийца использует мою книгу как сценарий!

Я изъясил распечатки, приставил к Веронике патрульного для охраны и начал проверку. Текст действительно пугающе точно совпадал с деталями реальных преступлений. Мы с опергруппой перевернули вверх дном издательство, проверили почту Когана, искали следы хакерского взлома на ноутбуке писательницы. Ничего. Рукопись словно существовала в вакууме.

А через неделю грянула третья глава.

Звонок раздался в три часа ночи. Дежурный сообщил, что в элитном жилом комплексе на Остоженке найден труп. Борис Коган, литературный агент Вероники Власовой.

Когда я прибыл на место, криминалисты уже работали. Квартира Когана напоминала музей современного искусства: стекло, металл, абстрактные полотна на стенах. И посреди этого великолепия, в просторной гостиной, висел хозяин.

Он был подвешен к массивной люстре на альпинистском тросе. Под его ногами валялась перевернутая стремянка. На первый взгляд - классический суицид. Но на груди убитого, прямо на дорогой шелковой пижаме, кровью (как позже выяснилось - свиной) был нарисован идеальный круг с вписанным в него треугольником.

- Третья глава, - раздался за моей спиной глухой голос.

В дверях стояла Вероника. Ее привез патрульный, узнав о смерти агента. Она прижимала ладони к лицу, ее глаза были расширены от ужаса.

- В романе, - всхлипнула она, - Архитектор теней убивает продажного галериста. Вешает его и оставляет этот знак. Боже мой, Боря... Это я виновата. Моя фантазия убила его!

Мы немедленно перевели Веронику на конспиративную квартиру под круглосуточную охрану. Пресса сходила с ума. Заголовки кричали о «Литературном маньяке». Тиражи старых книг Власовой взлетели до небес.

А я сидел в своем кабинете, пил остывший кофе и раз за разом перечитывал злополучную рукопись.

Что-то не давало мне покоя. Какая-то мелкая, зудящая деталь, которая не вписывалась в общую картину. Я открыл третью главу. Убийство галериста.

«...Архитектор теней накинул петлю на шею жертвы. Галерист отчаянно сопротивлялся. В завязавшейся борьбе они опрокинули напольную вазу эпохи Мин, осколки брызнули во все стороны. Маньяк, тяжело дыша, затянул сложный морской узел - булинь, который не позволял петле затянуться слишком быстро, продлевая агонию. Затем он открыл окно, чтобы впустить ледяной ветер, и скрылся в ночи...»

Я отложил листы и открыл протокол осмотра места происшествия в квартире Когана.

Никакой разбитой вазы. Никаких следов борьбы. Когану вкололи мощный транквилизатор - на шее остался след от инъекции, - а затем аккуратно, без лишней суеты повесили. Узел на альпинистском тросе был самым примитивным, затягивающимся, так называемой «удавкой». Окно было плотно закрыто, система климат-контроля работала в штатном режиме.

Я потер глаза. Маньяки-подражатели, как правило, одержимы деталями. Они - фанатики. Если в «священном тексте» написано, что должна быть разбита ваза и завязан булинь, подражатель разобьет вазу и выучит морской узел.

Но убийца Когана действовал иначе. Он действовал... логичнее.

Зачем бороться с сильным мужчиной, рискуя оставить свои ДНК, если можно просто его усыпить? Зачем вязать сложный узел, если обычная удавка надежнее и быстрее? Убийца в реальности оказался профессиональнее, хладнокровнее и умнее, чем маньяк на страницах книги.

Обычно бывает наоборот: писатели создают гениальных злодеев, а реальные преступники совершают глупые ошибки. Здесь же жизнь исправляла огрехи литературы.

- Тарасов, ты ищешь черную кошку в темной комнате, - сказал мне на утренней планерке начальник отдела. - У нас есть серия. У нас есть книга. Ищи утечку текста.

- Я ищу мотив, товарищ полковник, - упрямо ответил я. - У первых двух жертв - студентки и бизнесмена - нет ничего общего с Коганом. Разный социальный статус, разные районы. И почему маньяк убил именно агента писательницы? Это нарушение паттерна.

Я привлек к делу ребят из отдела экономических преступлений. Попросил их вывернуть наизнанку всю финансовую жизнь убитого Бориса Когана.

Через двое суток на мой стол легла сводка.

Борис Коган был гениальным агентом, но отвратительным человеком. Выяснилось, что последние пять лет он методично, виртуозно обворовывал свою главную звезду - Веронику Власову. Используя сложную схему с передачей прав на экранизации и переводы через подставные фирмы на Кипре, Коган присвоил себе около трех миллионов долларов, которые по контракту принадлежали писательнице.

Вероника, полностью доверявшая агенту финансовые дела, получала лишь малую часть своих реальных гонораров.

Мотив засиял так ярко, что резало глаза.

Я вызвал к себе Алину - нашего лучшего специалиста по киберпреступлениям.

- Аля, мне нужно, чтобы ты препарировала облачное хранилище Власовой. То самое, где лежит черновик романа.

- Глеб, мы уже смотрели, - вздохнула девушка, поправляя очки. - Файл «Архитектор_теней_черновик.docx» создан пятнадцатого сентября. За месяц до первого убийства. Последнее

изменение - двадцатого октября, за неделю до смерти Когана. Все сходится. Она написала это до того, как люди начали умирать.

- Аля, - я наклонился к ее монитору. - А ты можешь копнуть глубже? Не то, что показывает система в свойствах файла, а реальные логи серверов облака? Метаданные, историю синхронизации пакетов?

Алина нахмурилась, ее пальцы запорхали по клавиатуре.

- Это потребует официального запроса к провайдеру облачных услуг. У них серверы в Ирландии.

- Делай запрос. Срочно. От моего имени, по каналам Интерпола. Скажи, что речь идет о серийном убийце.

Пока Алина ждала ответа от ирландских серверов, я поехал на конспиративную квартиру.

Вероника сидела в кресле у окна, укутавшись в плед. На столике перед ней стоял недопитый бокал красного вина и лежал раскрытый блокнот. Образ страдающего творца был выверен до миллиметра.

- Глеб, - она подняла на меня печальные глаза. - Вы поймали его? Я не могу здесь больше находиться. Эта изоляция убивает меня.

- Мы близки к разгадке, Вероника, - я сел напротив. - Я хотел поговорить с вами о Борисе. Вы знали, что он вас обкрадывал?

Ее брови взлетели вверх. Идеально сыгранное удивление.

- Что? Боря? Нет, это невозможно. Мы работали вместе десять лет. Он был мне как брат.

- Ваш брат вывел три миллиона долларов на счета компании «Vlasova Rights Management Ltd», зарегистрированной на номинального директора в Никосии. Вы не имели к этим деньгам доступа.

Вероника медленно поставила бокал на стол. Ее лицо побледнело, но на этот раз - по настоящему.

- Я... я ничего об этом не знала. Боже, как мерзко. Но при чем здесь маньяк?

- При том, Вероника, что маньяка не существует, - закончил я фразу, не сводя глаз с ее побледневшего лица. - Никакого «Архитектора теней» нет. Есть только вы, Вероника. И ваша жадность, помноженная на уязвленное самолюбие.

Она замерла. На секунду в ее глазах мелькнула паника, но писательница быстро взяла себя в руки. Она откинулась на спинку кресла и снисходительно улыбнулась.

- Глеб, вы переутомились. Я понимаю, давление начальства, пресса... Но это уже бред. Я сама пришла к вам! Я принесла рукопись! Зачем мне убивать Борю, а потом привлекать к себе внимание полиции?

- Потому что вам нужно было идеальное алиби, - я встал и начал медленно прохаживаться по комнате. - Вы узнали об офшорах. Поняли, что Коган годами крал ваши деньги. Судиться с ним было бесполезно - юридически он все оформил безупречно, вы сами подписывали доверенности. Деньги осели на Кипре. Вернуть их законным путем вы не могли. Но по контракту, в случае смерти агента, все права и замороженные транши возвращались к вам. Вам нужна была его смерть.

Я остановился напротив нее.

- Но убить известного человека и не попасть под подозрение - сложная задача. Особенно для автора детективов. Полиция первым делом ищет мотив. А мотив у вас был железобетонный. Значит, нужно было сделать так, чтобы убийство Когана выглядело частью серии. Делом рук безумца.

Вероника насмешливо фыркнула и потянулась за бокалом.

- Красивая теория. Достойная бульварного романа. Но как быть с первыми двумя жертвами? Студентка в Битцевском парке и бизнесмен в Сити. Я их тоже убила, чтобы создать массовку для Когана?

- Нет. Их убили другие люди. Настоящие преступники, которых мы пока не нашли. Вы просто внимательно читали криминальную хронику, Вероника. У вас, как у известного автора триллеров, есть связи в МВД, есть знакомые журналисты. Вы узнали детали этих нераскрытых дел. Девушка с лилией во рту. Отравитель с тетродотоксином. Вы взяли два реальных, никак не связанных между собой убийства и... вписали их в свой черновик. Задним числом.

Рука Вероники с бокалом чуть дрогнула. Темно-рубиновая жидкость плеснулась на стенку хрусталя.

- Вы создали искусственного маньяка на страницах своей книги, - продолжал я, чеканя каждое слово. - А потом сами исполнили третью главу. Вы пришли к Когану. Выпили с ним вина. Незаметно подмешали ему в бокал транквилизатор. Когда он отключился, вы, используя стремянку и альпинистский трос, подвесили его к люстре. Вы нарисовали на его груди свиной кровью оккультный знак, чтобы придать убийству театральность. А потом побежали ко мне с криками о том, что кто-то ворует ваши идеи.

- Доказательства, Глеб, - голос Вероники стал ледяным. От образа испуганной жертвы не осталось и следа. Передо мной сидела хищница. - Где ваши доказательства? Мой файл с черновиком создан за месяц до первого убийства. Это зафиксировано в свойствах документа. Экспертиза вашего же отдела это подтвердила. Я физически не могла вписать туда реальные убийства задним числом!

В этот момент мой телефон в кармане пальто коротко завибрировал. Я достал аппарат. На экране светилось сообщение от Алины: *«Ответ от ирландских серверов пришел. Бинго. Логи у меня»*.

Я медленно убрал телефон и посмотрел на писательницу.

- Знаете, Вероника, в чем главная ошибка всех гениальных авторов? Вы считаете читателей глупее себя. Вы думаете, что если изменить системное время на ноутбуке, перевести часы на месяц назад, а затем сохранить документ формата Word, то система поверит вам на слово.

Ее зрачки расширились. Дыхание на секунду сбилось.

- Да, свойства самого файла на вашем жестком диске показывали сентябрь, - я подошел к окну, глядя на вечернюю Москву. - Но вы забыли, что работаете в облачном хранилище. У вас настроена автосинхронизация. И серверы в Дублине, куда улетали пакеты данных с вашего компьютера, не подчиняются часам на вашем макбуке. У них свое, абсолютное время.

Я повернулся к ней.

- Мы только что получили официальный ответ от провайдера облачных услуг. Метаданные синхронизации показывают, что файл «Архитектор_теней_черновик.docx» был пустым вплоть до прошлой недели. Весь текст - все три главы, включая детальное описание убийств студентки, бизнесмена и Когана - был загружен на сервер единым массивом данных три дня назад. В два часа ночи. Через час после того, как Борис Коган перестал дышать.

В комнате повисла звенящая тишина. Было слышно лишь, как за окном гудит ветер, да тикают дорогие настенные часы.

Вероника смотрела на меня не мигая. Ее лицо превратилось в застывшую маску. Затем она медленно, очень аккуратно поставила бокал на стол.

- Ирландские серверы... - тихо, почти мечтательно произнесла она. - Надо же. Какая досадная техническая мелочь. Я учла все: отсутствие ДНК, слепые зоны камер в его подъезде, правильную дозировку снотворного, чтобы оно выглядело как его обычное лекарство от бессонницы. Я даже купила эту чертову свиную кровь на фермерском рынке в области, расплатившись наличными. А погорела на облачной синхронизации.

Она вдруг тихо рассмеялась. В этом смехе не было истерики, только горькая ирония творца, чье лучшее произведение зарубил безжалостный редактор.

- Как вы догадались, Глеб? - она подняла на меня глаза, в которых теперь горел неподдельный профессиональный интерес. - До того, как получили эти серверные логи? Что выдало меня в самом тексте?

Я сел в кресло напротив.

- Ваша литературная гордость, Вероника. Вы написали сцену убийства Когана так, как привыкли писать для своих фанатов - ярко, кинематографично. Борьба, разбитая ваза эпохи Мин, сложный морской узел булинь, открытое окно и ледяной ветер. Это красиво читается.

Я наклонился вперед.

- Но в реальности вы действовали как хладнокровный и расчетливый киллер. Вы не стали с ним бороться - вы его усыпили. Вы не стали вязать булинь - вы затянули примитивную удавку, потому что это быстрее и надежнее. Вы не били вазы, чтобы не оставить случайных следов, и не открывали окон. Реальное убийство было хирургически чистым. А книжное - грязным и пафосным.

Я покачал головой.

- Маньяк-подражатель, копирующий книгу, маниакально точен в деталях. Он бы разбил эту чертову вазу, даже если бы ему пришлось принести ее с собой. Он бы выучил морской узел. Но здесь все было наоборот. Реальность была умнее текста. Потому что текст писался в спешке, постфактум, чтобы прикрыть идеальное преступление театральной ширмой.

Вероника слушала меня, затаив дыхание. Затем медленно похлопала в ладоши. Три гулких хлопка в пустой комнате.

- Bravo, следовательно. Bravo. Вы оказались лучшим критиком из всех, кого я знала.

Она откинулась на спинку кресла, ее взгляд затуманился.

- Знаете, когда я узнала про Кипр... я думала, что сойду с ума. Десять лет я писала по книге в год. Я выгорала, я сидела на антидепрессантах, я отдала этой литературе свою молодость. А Боря просто переводил мои миллионы на счета компаний-однодневок и улыбался мне в лицо. Он покупал картины, квартиры, машины... на мою кровь. На мои буквы.

Ее голос дрогнул, но она тут же взяла себя в руки.

- Я не могла позволить ему выйти сухим из воды. Я придумала этот сюжет за одну ночь. Нашла в сети два нераскрытых дела, объединила их фигурой вымышленного Архитектора. Это было гениально, Глеб. Согласитесь? Если бы не эти чертовы серверы, вы бы годами искали призрака. А я бы стала самой продаваемой писательницей десятилетия. Жертва маньяка, выжившая в кошмаре! Голливуд бы дрался за права на экранизацию!

- А вместо этого вы получите от пятнадцати лет до пожизненного, Вероника. За умышленное убийство из корыстных побуждений.

Я встал и достал наручники. Металл тускло блеснул в свете торшера.

- Вы имеете право хранить молчание, - закончил я дежурную фразу. - Всё, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде.

Она не стала сопротивляться. Не было ни слез, ни мольбы, ни попыток оправдаться. Вероника Власова, демиург и творец, грациозно поднялась с кресла и сама протянула мне тонкие, ухоженные запястья. Холодный щелчок наручников прозвучал в тишине элитной квартиры как финальная точка в рукописи.

- Знаете, Глеб, - задумчиво произнесла она, глядя на стальные браслеты. - В тюрьме у меня будет много свободного времени. Говорят, изоляция невероятно обостряет чувства. Достоевский на каторге обрел свой истинный голос. Возможно, мой главный шедевр еще впереди. Исповедь писателя-убийцы... Тру-крайм сейчас на пике популярности, издатели оторвут это с руками.

Я взял с вешалки ее дорогое кашемировое пальто и накинул ей на плечи, скрывая металл наручников.

- Только в этот раз пишите от руки, Вероника, - сухо посоветовал я, направляя ее к выходу. - Классическим пером. Бумага всё стерпит. И, в отличие от серверов в Дублине, она не выдает время создания текста.

Мы спустились на бесшумном лифте в подземный паркинг, где нас уже ждала полицейская машина. Проблесковые маячки красили серые бетонные стены в тревожные красно-синие тона. Вероника скользнула на жесткое заднее сиденье патрульного авто, гордо выпрямив спину и вздернув подбородок. Она держалась так, словно это был лимузин, везущий ее на красную ковровую дорожку литературной премии. Актриса до самого конца.

Я хлопнул дверью и остался стоять на паркинге, глядя, как машина с мигалками выезжает в промозглую московскую ночь, увозя с собой создательницу «Архитектора теней».

Писатели действительно страшные люди. Они так сильно привыкают безнаказанно играть в богов на страницах своих книг, что однажды решают переписать саму реальность. Но они забывают одно непреложное правило жизни: у реальности нет снисходительного редактора, который исправит твои сюжетные дыры перед отправкой в печать.

Жизнь пишет без черновиков. И в финале настоящего, не выдуманного детектива убийца всегда платит по счетам. Даже если на обложке этого дела крупным, золотым шрифтом напечатано его собственное имя.

Поляризация страха

Скачки - это не просто спорт, а целая индустрия азарта, где вращаются средства, сравнимые с бюджетами малых предприятий. В мире, где на кону могут стоять миллионы, жизнь человека зачастую оценивается дешевле, чем стоимость подковы для лошади...

Меня зовут Вадим Руднев. Я следователь, и за годы практики усвоил одно правило: животные не умеют лгать, не строят козней и не убивают ради выгоды. Если на беговой дорожке происходит трагедия, причину всегда нужно искать на трибунах.

Глава 1. Грязь и кровь

Элитный конный клуб «Золотая подкова» встретил меня тишиной, которая бывает только после катастрофы. Обычно здесь пахнет дорогим парфюмом, сигарами и свежескошенной травой. Сегодня здесь пахло валерьянкой, потом и запекшейся кровью.

Трагедия произошла час назад, во время финального, самого дорогого заезда сезона. Фаворит гонки, чистокровный арабский жеребец по кличке Эклипс, внезапно взбесился на последнем вираже. На скорости около шестидесяти километров в час он встал на дыбы, сбросил жокея и в панике прошелся по нему копытами.

Жокей, тридцатилетний Марат Сафиуллин, погиб на месте - перелом основания черепа.

Я стоял у кромки грунтового трека. В воздухе тяжело висела сухая пыль, смешанная с запахом растоптанной земли и железистым душком крови. Место трагедии уже отсекли от остального мира равнодушным пластиком желтой полицейской ленты. За ней грунт был изуродован - глубокие, рваные борозды от подков кричали о слепой, неконтролируемой панике полутонного животного.

Ко мне неслышно подошла Елена, главный тренер клуба. Взгляд ее был стеклянным, прикованным к темному пятну на песке. Пальцы с мелкой дрожью вцепились в ворот дорогого кашемирового кардигана - она нервно куталась в него, словно пытаясь защититься от пронизывающего холода, которого не было в этот душный летний вечер.

- Этого просто не могло быть, - глухо, словно сквозь вату, произнесла она. - Эклипс - это машина. Безупречный механизм. Он лучший в стране. У него гранитная психика, он не замечает ни рева трибун, ни слепящих вспышек репортеров. Марат жил в седле этого коня три года. Они дышали в один такт и понимали друг друга с полудвижения.

- Что именно вы увидели на вираже? - спокойно спросил я, привычным жестом раскрывая блокнот. Сухие факты всегда помогают заземлить чужую истерику.

- Я вела их в бинокль. - Елена судорожно вздохнула, заново переживая эти секунды. - Эклипс летел первым, отрыв - два чистых корпуса. Вышел на финишную прямую, стелился над землей... И вдруг словно на всем скаку врезался в невидимую бетонную стену. Замотал головой, попытался в безумии дернуться вправо, ломая собственный ход. Марат повис на поводьях, пытался его удержать, но конь... он просто обезумел. Превратился в дикого зверя. Он никогда себя так не вел! Никогда, понимаете?!

- Лошадь могла отвлечься? Испугаться резкой тени, случайного блика, брошенного с трибун предмета?

Елена медленно, обреченно покачала головой.

- Исключено. На нем были закрытые шоры. Он видел только путь впереди.

Я кивнул. Шоры, или блинкеры - это специальные накладки на морду лошади, которые закрывают боковой обзор. Они нужны именно для того, чтобы животное смотрело только вперед и не отвлекалось на то, что происходит по сторонам.

- Где сейчас лошадь и амуниция? - спросил я.
- Эклипс в деннике. Ветеринар вколол ему успокоительное, он весь в мыле, дрожит. Амуницию сняли, она в седельной.
- Я хочу на нее взглянуть. И мне нужен список всех, кто имел доступ к конюшне перед заездом.

Глава 2. Слепая зона

Седельная комната пахла дегтярным мылом и дорогой кожей. На деревянном кронштейне висело седло Марата Сафиуллина, уздечка и те самые шоры.

Я надел перчатки и начал осмотр. Седло было в порядке. Подпруга цела, стремена не повреждены. Никаких иголок под потником, никаких скрытых шипов - старые, грязные жокейские трюки здесь не применялись.

Я взял в руки шоры. Это была классическая модель. Глаза лошади закрывались с боков кожаными щитками, в которые были вшиты прозрачные пластиковые визоры. Они защищали глаза от летящих из-под копыт комьев грязи, оставляя обзор только строго прямо.

Я покрутил шоры под лампой. Кожа была потертой, но пластиковые вставки выглядели абсолютно новыми.

- Елена, - позвал я тренера, стоявшую в дверях. - Эти визоры недавно меняли?

Она присмотрелась.

- Да, пару дней назад. Старые поцарапались, Марат жаловался, что они мутные. Наш конюх отнес их в мастерскую при ипподроме, там вставили новый пластик. Это стандартная процедура.

Я поднес пластик ближе к глазам. Обычный прозрачный поликарбонат. Но когда я слегка наклонил шоры, на поверхности пластика мелькнул едва уловимый радужный отлив.

Интуиция следователя - это способность подмечать детали, которые выбиваются из привычной картины мира. Обычный прозрачный пластик так не бликует.

Я отстегнул шоры от уздечки и убрал их в пакет для улик.

- Кто победил в заезде? - спросил я.

- «Баловень», - скривилась Елена. - Жеребец из конюшни Артура Ванеева. Он шел вторым. Если бы Эклипс не упал, «Баловень» никогда бы его не обошел.

- Ванеев много на этом заработал?

- Дело не только в призовых. Это был квалификационный заезд на международный кубок. Победитель получает путевку в Дубай. А это уже контракты на миллионы долларов. Плюс ставки. Коэффициент на Эклипса был мизерным, а вот на «Баловня» ставили один к десяти.

Мотив был кристально ясен. Оставалось найти орудие убийства. Точнее, понять, как именно оно сработало.

Глава 3. Эффект стробоскопа

Я привез шоры в управление и сразу направился к нашему эксперту-криминалисту. Илья терпеть не мог, когда его отвлекали, но дело не терпело отлагательств.

- Илья, мне нужно знать, что не так с этим пластиком. Никаких сложных лекций, просто скажи, что ты видишь.

Он вздохнул, надел перчатки и достал шоры из пакета. Посмотрел на просвет. Затем достал из ящика стола небольшой фонарик с резким белым светом и посветил сквозь визор на стену.

- Это не просто пластик, Вадим, - сказал он. - На него наклеена специальная пленка. Она работает как фильтр.

- Тонировка? Но она же абсолютно прозрачная.

- Это поляризационный фильтр. В обычных условиях, при дневном свете, он прозрачен. Но у него есть одна особенность. Если посмотреть через него на определенный тип светодиодных ламп...

Илья выключил верхний свет в лаборатории. Он достал мощную LED-лампу, включил ее и поднес шоры к источнику света. Затем он начал медленно вращать шоры в руках.

То, что я увидел, заставило меня сощуриться. Свет от лампы, проходя через пленку, внезапно начал мерцать с бешеной скоростью. Это были резкие, болезненные вспышки - от ослепительно белого до абсолютно черного. Настоящий стробоскоп.

- Что происходит? - я отвернулся, чувствуя, как заныли глаза.

- Конфликт света и фильтра, - спокойно пояснил Илья, выключая лампу. - Некоторые мощные прожекторы мерцают на высокой частоте. Человеческий глаз этого не замечает, нам кажется, что свет горит ровно. Но если смотреть на такой прожектор через эту пленку под определенным углом, мерцание становится видимым и многократно усиливается. Это оптический удар по нервной системе.

Я вспомнил слова тренера - «Он словно врезался в невидимую стену».

- Значит, когда Эклипс выбежал на финишную прямую, - медленно проговорил я, собирая картину воедино, - он посмотрел на осветительную мачту. И для него мир внезапно превратился в слепящую, пульсирующую черно-белую вспышку.

- Именно, - кивнул Илья. - Для лошади, у которой зрение устроено иначе, чем у нас, это равносильно взрыву светового гранаты перед глазами. Животное впало в абсолютную панику. Оно ослепло и потеряло ориентацию в пространстве.

Убийца не травил лошадь. Он не подпиливал стремяна. Он использовал свет и кусок дешевой пленки, чтобы превратить идеального скакуна в неуправляемую машину для убийства.

Глава 4. Свет в конце виража

Я немедленно выехал обратно на ипподром. Была глубокая ночь, но дежурный техник был на месте.

- Мне нужен журнал обслуживания осветительных мачт, - потребовал я, зайдя в его каморку. - Особенно той, что стоит над последним виражом перед финишем.

Техник, заспанный мужичок в спецовке, зарылся в бумаги.

- Третья мачта... Да, вот. Позавчера меняли ламповый блок.

- Кто менял? Ваши люди?

- Нет, мы на такое не подписаны. Приезжала фирма-подрядчик. Сказали, плановая замена по гарантии. Поставили новый LED-прожектор. Светит - будь здоров, как днем.

- Дайте мне документы на эту фирму и контакты подрядчика, - закончил я фразу.

Техник протянул мне замусоленную папку с накладными. Я бегло просмотрел бумаги. Как я и ожидал, фирма-подрядчик оказалась классической «однодневкой». Юридический адрес в промзоне, зарегистрирована месяц назад. Никакой плановой замены по гарантии не было - кто-то целенаправленно нанял людей, чтобы они повесили над финишной прямой конкретный прожектор с нужной частотой мерцания.

Но прожектор - это только половина орудия убийства. Вторая половина лежала у меня в пакете для улики.

Я вернулся к конюшням. Было около трех часов ночи, но свет в подсобках еще горел. Мне нужен был человек, который отнес шоры в мастерскую.

Конюха звали Денис. Это был шуплый парень лет двадцати, который сейчас торопливо запихивал вещи в спортивную сумку. Увидев меня в дверях, он побледнел и выронил кроссовки.

- Куда-то собираемся на ночь глядя? - я преградил ему выход.

- Я... увольняюсь. Не могу здесь больше, - пробормотал он, отводя взгляд. - После того, что случилось с Маратом...

- С Маратом случилось убийство, Денис. И ты в нем замешан.

Парень замотал головой, отступая к стене.

- Я никого не убивал! Я к Эклипсу даже не подходил перед стартом!

- Зато ты подходил к его амуниции, - я достал из кармана пакет с шорами и покрутил перед его лицом. - Два дня назад ты отнес их в мастерскую. И попросил мастера вставить не стандартный поликарбонат, а вот этот кусок пластика, который тебе дали заранее. Кто тебе за это заплатил?

Денис сглотнул. Его трясло.

- Я не знал... Клянусь, я не знал, что так выйдет! Мне сказали, что это просто шутка. Что Эклипс будет видеть все немного мутным и придет вторым. Никто не говорил, что конь взбесится!

- Кто дал тебе пластик и деньги? Имя.

- Помощник Артура Ванеева. Лысый такой, на черном джипе ездит. Он дал мне конверт с сотней тысяч и этот кусок пленки. Сказал, если я все сделаю тихо, получу еще столько же после заезда.

Пазл сошелся окончательно. Ванеев не просто хотел путевку в Дубай. Он спланировал идеальную диверсию, которая должна была выглядеть как трагическая случайность.

Глава 5. Слепящая правда

Утром Артур Ванеев сидел напротив меня в комнате для допросов. Владелец конюшни-победителя выглядел безупречно: дорогой костюм, золотые часы, снисходительная улыбка человека, у которого адвокаты стоят больше, чем годовой бюджет моего отдела.

Сам адвокат сидел рядом и скучающе смотрел в окно.

- Следователь Руднев, вы тратите мое время, - произнес Ванеев, поправляя манжеты. - Я пришел сюда только из уважения к полиции. Трагедия с Сафиуллиным ужасна. Эклипс всегда был слишком нервным животным. Рано или поздно это должно было случиться.

- Это не случайность, Артур Эдуардович, - я положил на металлический стол папку. - Ваш помощник задержан час назад при попытке вылететь из страны. Конюх Денис уже дал против него показания. Мы знаем про деньги и про кусок пластика, который вы велели вшить в шоры Эклипса.

Ванеев даже не моргнул.

- Мой помощник мог делать что угодно в свободное время. Я за него не отвечаю. Мало ли кому он давал деньги? И при чем тут вообще какой-то пластик? Вы пытаетесь пришить мне дело на основании того, что лошади поменяли стекляшки в экипировке? Это нелепо.

- Нелепо? - я достал из-под стола шоры Эклипса и положил их перед ним. Рядом я поставил тот самый LED-прожектор, который одолжил у нашего эксперта Ильи. - Вы химик и бизнесмен, Ванеев. И вы прекрасно знали, что делаете. Вы создали оптическую ловушку.

Адвокат подался вперед:

- Мой клиент не обязан выслушивать эти фантазии. Если у вас нет прямых улик, мы уходим.

- Прямая улика прямо перед вами, - я пододвинул шоры к Ванееву. - Наденьте их.

Ванеев брезгливо посмотрел на потертую кожу.

- Что за цирк? Я не буду это надевать.

- Вы же сами сказали, что это просто «стекляшки», - жестко произнес я. - Обычный прозрачный пластик. Чего вы боитесь? Наденьте, или я оформлю отказ от сотрудничества со следствием, что отлично дополнит показания вашего помощника, который сейчас активно сдает вас в соседнем кабинете, чтобы скостить себе срок.

Ванеев скрипнул зубами. Он бросил злой взгляд на адвоката, но тот лишь пожал плечами - просьба следователя не нарушала закон. Бизнесмен нехотя взял шоры и приложил их к лицу, глядя на меня сквозь прозрачные визоры.

- Довольны? - процедил он. - Я вижу вас абсолютно четко. Это обычный...

Я не дал ему договорить. Моя рука легла на тумблер LED-прожектора, направленного прямо ему в лицо. Я щелкнул кнопкой, включив лампу на максимальную мощность.

Для меня и для адвоката это была просто яркая белая вспышка света.

Но для Ванеева, смотревшего через поляризационную пленку, мир взорвался.

Он издал сдавленный крик, выронил шоры и отшатнулся назад, едва не опрокинув стул. Ванеев закрыл лицо обеими руками, тяжело дыша.

- Выключи! - заорал он. - Выключи эту дрянь, ты мне сетчатку сожжешь!

Я спокойно выключил прожектор. Адвокат в шоке переводил взгляд с меня на своего клиента, не понимая, что произошло.

- Интересная реакция, - негромко сказал я в повисшей тишине. - Для нас с вашим адвокатом это был просто ровный белый свет. Ничего болезненного. Но вы инстинктивно закрыли глаза и закричали про сетчатку. Вы знали, какой эффект даст этот свет в сочетании с пленкой. Вы знали про стробоскопический удар.

Ванеев медленно отнял руки от лица. Его глаза слезились, лицо пошло красными пятнами. Вся его аристократическая спесь испарилась, оставив лишь животный страх пойманного в ловушку зверя.

- Вы не хотели убивать жокея, - продолжил я, собирая вещи со стола. - Вы просто хотели ослепить Эклипса на пару секунд, чтобы он запаниковал, сбился с шага и уступил победу вашей лошади. Но вы не учли, что на скорости шестьдесят километров в час ослепленное животное весом в полтонны превращается в смертельный снаряд.

Ванеев молчал, глядя в стол. Он понял, что проиграл. Его реакция стала тем самым недостающим звеном, которое связывало техническую экспертизу с его прямым умыслом.

Суд над Артуром Ванеевым был громким. Его адвокаты пытались свести дело к непредумышленному убийству, но цепочка доказательств - от подставной фирмы, установившей прожектор, до показаний конюха и помощника - была железобетонной. Ванеев получил пятнадцать лет колонии строгого режима.

Индустрия скачек продолжила жить своей жизнью. Лошади все так же бежали по кругу, а люди на трибунах все так же делали ставки, надеясь сорвать куш.

В моей работе часто приходится сталкиваться с жестокостью. Но дело Эклипса научило меня одной важной вещи. Самое страшное оружие - это не нож и не пистолет. Самое страшное оружие - это человеческий интеллект, лишенный эмпатии. Тот, кто способен превратить законы физики в инструмент для убийства, опаснее любого уличного бандита.

Потому что для такого человека чужая жизнь - это просто препятствие на беговой дорожке, которое нужно устранить. Не важно, каким способом. Даже если для этого придется использовать свет.

Точка равновесия

Цирк - это искусство красивого обмана. Зрители платят за то, чтобы поверить в иллюзию: в женщину, распиленную пополам, в исчезающего слона, в человека, который умеет летать. Но гравитация не смотрит представления. У нее нет чувства юмора, и ее невозможно обмануть. Когда иллюзия сталкивается с физикой, всегда побеждает физика.

Меня зовут Вадим Руднев. И я знаю, что идеальных несчастных случаев не бывает.

Глава 1. Шаг в пустоту

Под куполом передвижного цирка-шапито пахло озоном, жженым сахаром и опилками. Но сейчас к этому привычному букету примешивался острый, металлический запах крови.

Арена была оцеплена. В самом центре, на красном ковре, лежал сломанный человек.

Его звали Марко Витти. Он был легендой, примой труппы, канатоходцем, чье имя собирало аншлаги от Берлина до Токио. Марко принципиально работал без лонжи - страховочного троса, и никогда не позволял натягивать под собой сетку. Он называл это «чистым искусством». Сегодня это искусство стоило ему жизни.

Я подошел к директору цирка, грузному мужчине по имени Лев Борисович, который сидел на зрительском ряду и обхватил голову руками.

- Рассказывайте, - негромко произнес я, присаживаясь рядом.

- Это невозможно, - прохрипел директор. - Марко ходил по этому тросу с закрытыми глазами. Он чувствовал баланс лучше, чем мы с вами чувствуем твердую землю. Трос натянут идеально. Крепления проверяли дважды. У него не было врагов, поверьте мне! Все его обожали.

- Что именно произошло? Вы видели момент падения?

Директор дрожащей рукой протянул мне планшет.

- Вот. Съемка с режиссерского пульта.

Я нажал на воспроизведение. На экране под барабанную дробь Марко Витти ступил на стальной трос, натянутый на высоте пятнадцати метров. В руках он держал длинный балансир - алюминиевый шест. Канатоходец шел плавно, словно скользил. Его лицо было спокойным, движения - выверенными до миллиметра.

Он дошел до середины. И вдруг произошло нечто странное.

Марко не оступился. Трос под ним не дрогнул. Но правая рука канатоходца внезапно дернулась вниз, словно к концу шеста привязали невидимую гирию. Лицо Марко исказилось от ужаса. Он попытался выровнять балансир, резко подался влево, но инерция была непреодолимой. Шест выкрутил ему руки, Марко потерял точку равновесия и рухнул вниз.

Я пересмотрел этот момент трижды.

- Он не соскользнул, - резюмировал я. - Его словно толкнули.

- Но там никого не было! - взмолился директор. - Даже никаких сквозняков, купол закрыт. У него просто... сдали нервы? Микроинсульт, может быть?

- Вскрытие покажет. Где орудие?

- Какое орудие?

- Шест.

Я спустился на арену. Балансир лежал в нескольких метрах от тела. Это была полая труба из дюралюминия, длиной около восьми метров. Я надел перчатки и поднял его за середину. Шест был тяжелым, килограммов двадцать, но его вес распределялся абсолютно равномерно. Идеальный баланс. Центр тяжести находился ровно там, где лежали мои руки.

Я осмотрел поверхность. Никаких следов смазки, никаких скрытых механизмов. Обычный кусок металла.

- Кто заменяет Марко в случае болезни? - спросил я подошедшего директора.

- Антон Крестовский. Его дублер. Но он сегодня даже не переодевался, сидел в гримерке. Через месяц у нас стартуют гастроли в Лас-Вегасе. Марко должен был стать гвоздем программы... Теперь всё отменяет.

- Или гвоздем программы станет дублер, - задумчиво произнес я.

Глава 2. Анатомия металла

На следующее утро я сидел в кабинете судмедэксперта.

- Никакого инсульта, - Илья бросил на стол папку с результатами вскрытия. - Сердце как мотор, сосуды чистые. Ни алкоголя, ни наркотиков, ни токсинов. Мышечных спазмов тоже не было. Марко Витти был абсолютно здоров в ту секунду, когда полетел вниз.

- Значит, дело не в человеке. Дело в физике.

Я достал из чехла дюралюминиевый шест канатоходца и положил его на два стула. Шест лежал ровно.

- Илья, мне нужно, чтобы ты просветил эту штуку рентгеном. От начала и до конца.

Эксперт скептически поднял бровь, но спорить не стал. Мы перенесли балансир в лабораторию. Аппарат медленно пополз вдоль металлической трубы, выводя изображение на монитор.

Первые три метра шест был абсолютно пустым. Но когда сканер дошел до середины, Илья внезапно нажал на паузу.

- Стоп. Руднев, иди сюда.

Я подошел к экрану. На монохромном снимке, внутри полой трубы, примерно в полуметре от центра, виднелось темное пятно. Оно выглядело как застывшая лужа на дне шеста.

- Что это? Дефект литья? - спросил я.

- Нет. Дюралюминий так не деформируется. Это инородное вещество. Причем высокой плотности. Металл.

Илья увеличил масштаб. На снимке стала видна микроскопическая точка на стенке трубы, прямо над темным пятном.

- Отверстие, - констатировал Илья. - Толщиной с медицинскую иглу. Кто-то просверлил шест, залил внутрь металл, а потом зашпаклевал и зашлифовал дырку так, что снаружи ничего не видно.

- Но зачем? - Я нахмурился. - Я держал этот шест. Он идеально сбалансирован. Если бы кто-то залил свинец с одной стороны, шест бы перевешивал. Но он лежал в моих руках ровно.

Илья задумчиво потер подбородок.

- Свинец бы перевешивал. Потому что он твердый. А что, если этот металл... меняет свои свойства?

Он быстро подошел к шкафу, достал портативный строительный фен и направил струю теплого воздуха на ту часть шеста, где находилось пятно.

- Смотри на экран, - скомандовал он.

Я не отрывал взгляда от рентгеновского снимка. Прошло две минуты. Внезапно темная клякса внутри трубы дрогнула. Ее края поплыли, и плотный кусок металла превратился в лужицу жидкости.

- Невероятно, - прошептал я. - Он расплавился.

- Галлий, - с восхищением произнес Илья, выключая фен. - Редкий металл. Внешне похож на сталь или алюминий. Но его температура плавления - всего 29,7 градуса по Цельсию.

Пазл в моей голове сошелся с оглушительным щелчком.

- Температура человеческого тела - тридцать шесть и шесть, - медленно проговорил я. - Температура ладоней при физической нагрузке - около тридцати четырех градусов.

- Именно, - кивнул Илья. - Перед выступлением шест лежал в прохладной подсобке. Галлий внутри был твердым. Убийца залил его так, чтобы с учетом этого веса шест был идеально сбалансирован. Марко взял его в руки. Он вышел на трос. Выступление длится десять минут. Канатоходец крепко сжимает балансир голыми руками. Тепло его ладоней передается металлу. Галлий начинает плавиться.

Я вспомнил видеозапись. Тот самый момент, когда Марко дошел до середины

- И как только галлий стал жидким, - продолжил я мысль Ильи, собирая картину воедино, - малейший наклон шеста привел к катастрофе.

- Именно, - кивнул эксперт. - Жидкий металл - а он очень тяжелый - мгновенно перетек по полой трубе в один конец. Центр тяжести сместился на несколько метров за долю секунды. Возник колоссальный крутящий момент. Удержать такой рывок руками на тонком тросе физически невозможно. Это как если бы к концу балансира на ходу привязали пудовую гиру.

Я смотрел на остывающий на лабораторном столе шест. Гениально и безжалостно. Никаких подпиленных тросов, никаких ядов. Только законы физики, которые сработали как часовой механизм. Точнее, как таймер, запущенный теплом человеческого тела.

- Илья, мне нужна официальная бумага с результатами экспертизы. И еще одна вещь... Сможешь заморозить этот шест обратно, чтобы металл снова застыл ровно по центру?

- Дай мне полчаса и немного сухого льда, - усмехнулся эксперт.

Глава 3. Вегас ждет

Я вернулся в шапито. Цирк казался вымершим, только в административном вагончике горел свет. Я миновал пустую арену и направился напрямик к гримеркам артистов.

Комната Антона Крестовского, дублера Марко, находилась в самом конце коридора. Дверь была приоткрыта. Я бесшумно подошел и заглянул внутрь.

Антон, подтянутый мужчина лет тридцати с цепким, колючим взглядом, стоял перед ростовым зеркалом. Он не выглядел убитым горем после потери напарника. Напротив, он примерял расшитый серебром концертный камзол - тот самый, в котором обычно выступал покойный прима.

- Хорошо сидит, - негромко сказал я, входя в комнату.

Антон вздрогнул и резко обернулся, одергивая полы камзола.

- Вы кто? Сюда нельзя.

- Следователь Руднев. Расследую гибель вашего коллеги. А вы, я так понимаю, уже готовитесь к гастролям в Лас-Вегасе?

Крестовский медленно снял камзол и аккуратно повесил его на плечики. Его лицо приняло дежурное скорбное выражение, но в глазах читалось раздражение.

- Шоу должно продолжаться, следователь. Это жестокое правило цирка, но оно непреложно. Лев Борисович сказал, что американские продюсеры разорвут контракты, если у нас не будет хедлайнера. Я обязан спасти турне. Ради памяти Марко.

- Трогательно. Вы ведь давно работаете с ним?

- Пять лет. Пять лет я тренировался каждый божий день, поддерживал форму, учил его программу от и до. И сидел на скамейке запасных. Марко был великим, не спорю. Но он старел, а дорогу молодым уступать не хотел.

- И поэтому вы решили ему помочь уйти?

Антон прищурился, его голос похолодел:

- Что вы имеете в виду? Директор сказал, что полиция считает это несчастным случаем. Потерял равновесие.

- Полиция так не говорила. Это сказали вы, когда давали первые показания полиции.

Глава 4. Точка невозврата

Я вышел в коридор, взял прислоненный к стене длинный чехол и занес его в гримерку. Расстегнул молнию и достал дюралюминиевый шест Марко. Металл был обжигающе холодным - Илья постарался на славу, заморозив галлий точно в центре балансира.

- Знаете, Антон, я человек, далекий от циркового искусства, - я протянул шест Крестовскому. - Покажите, как правильно его держать? Просто для протокола. Хочу понять механику движений Марко.

Антон недоверчиво посмотрел на балансир, но отступить было некуда - отказ выглядел бы подозрительно. Он уверенно взялся голыми руками за середину трубы. Его хватка была профессиональной: жесткой, как сталь, и точной.

- Вот так, - он чуть приподнял шест над полом. - Кисти расслаблены, но контроль абсолютный. Балансир - это продолжение твоих рук.

- И он идеально сбалансирован, верно?

- Разумеется. Марко заказывал его в Германии. Центр тяжести выверен до грамма.

- Отлично. Подержите его так минутку.

Я прислонился к стене и достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги.

- Пока вы держите равновесие, я расскажу вам одну историю, Антон. Про человека, который устал быть в тени. Который знал, что никогда не поедет в Вегас и не станет звездой, пока жив прима. Этот человек был не только хорошим гимнастом, но и неглупым парнем. Он читал про физику и химию.

Крестовский стоял ровно, но костяшки его пальцев, сжимающих холодный металл, побелели.

- Он купил в интернете редкий металл. Галлий. Удивительное вещество. Выглядит как алюминий, но плавится от простого тепла человеческих рук. Затем он просверлил шест напарника, залил туда металл, уравновесил его и зашпаклевал отверстие.

На лбу Антона выступила испарина. Он попытался опустить шест на пол, но я сделал резкий шаг вперед и жестом остановил его.

- Держите, Антон. Шоу должно продолжаться.

Я развернул бумагу.

- Это ответ на мой срочный запрос из компании «ХимРеактив». Месяц назад некий А. Крестовский заказал у них полкилограмма галлия с доставкой в пункт выдачи. Оплатил со своей личной банковской карты. Глупо, правда? Вы так тщательно продумали физику убийства, но забыли про элементарный цифровой след.

Антон тяжело задышал.

- Это бред... Я заказывал его для... для фокусов! Мы хотели сделать новый комедийный номер с гнущимися ложками для клоунов!

- Да? А директор цирка об этом знает?

Температура в тесной, непроветриваемой гримерке была высокой. Плюс тепло ваших собственных, вспотевших от страха ладоней, - закончил я фразу.

Антон открыл рот, чтобы выкрикнуть очередное оправдание, но не успел.

Физика не знает жалости. Галлий внутри трубы, согретый воздухом гримерки и горячими руками гимнаста, пересек температурную границу в 29,7 градуса. Металл перешел в жидкое состояние.

Я увидел, как глаза Крестовского внезапно расширились от ужаса. Он инстинктивно дернул правое плечо, пытаясь удержать равновесие. Но было поздно.

С глухим, тяжелым звуком перекатывающейся волны жидкий галлий внутри трубы сорвался с мертвой точки и стремительно перетек в левый край шеста.

Рывок был такой внезапной и сокрушительной силы, что тяжелая дюралюминиевая труба с грохотом вырвалась из рук Крестовского, болезненно вывернув ему кисти. Шест рухнул вниз, с треском пробив старую паркетную доску левым концом.

В гримерке повисла звенящая тишина.

Антон стоял, прижав к груди ушибленные руки, и неотрывно, с первобытным ужасом смотрел на лежащий на полу балансир. Его грудь тяжело вздымалась, лицо стало пепельно-серым.

- Вы почувствовали это, Антон? - негромко спросил я, нарушив тишину. - Тот самый рывок. Только вы стояли на твердом полу. А Марко стоял на тросе толщиной в палец на высоте пятнадцати метров. У него не было ни единого шанса.

Крестовский задрожал. Он медленно сполз по стене и сел на пол, обхватив голову руками. Вся его холодная самоуверенность исчезла, оставив лишь сломанного человека, которого раздавил груз собственной идеальной схемы.

- Он не хотел уходить, - глухо пробормотал дублер, глядя в одну точку. - Я отдал ему лучшие годы. Я был техничнее, я был моложе. А он смеялся надо мной и говорил, что мне не хватает «искры». Что я навсегда останусь лишь копией. Я просто хотел забрать свое. Свое место под куполом.

- Вы забрали чужую жизнь, - я достал из кармана наручники и шагнул к нему. - Вставайте, Крестовский. Гастроли в Вегасе отменяются. У вас впереди совсем другой тур.

Суд был быстрым. Отрицать очевидное, имея на руках банковские выписки, техническую экспертизу и чистосердечное признание, сделанное в гримерке, было бессмысленно. Антон Крестовский получил двенадцать лет колонии.

Цирк-шапито уехал в Америку без него. Нашли нового солиста, переписали афиши, шоу продолжилось. Зрители все так же покупали билеты, чтобы посмотреть на красивую иллюзию обмана гравитации.

А я вернулся в свой кабинет, к своим папкам и уликам. В моей работе иллюзий нет. Есть только факты, мотивы и холодные законы физики, которые всегда расставляют всё по своим местам. Рано или поздно, точка равновесия всегда смещается в сторону правды.

Отравленный эндшпиль

Шахматы - это безмолвная война. В ней нет грохота артиллерии и криков раненых, но есть свои генералы, свои пешки и своя, вполне осязаемая, жестокость. На шестидесяти четырех черно-белых клетках люди уничтожают друг друга с ледяным спокойствием, используя вместо пуль чистый интеллект. Но иногда метафорическая смерть на доске оборачивается смертью физической.

Меня зовут Максим Воронцов, я следователь Следственного комитета. В юности я подавал надежды в шахматах, даже получил кандидата в мастера спорта, но потом выбрал профессию, где преступники оставляют не только записи партий, но и отпечатки пальцев. Впрочем, дело об убийстве в Центральном доме шахматиста заставило меня вспомнить всё, чему меня учил мой старый тренер.

Турнир претендентов близился к завершению. В финальном матче, определяющем, кто бросит вызов чемпиону мира, сошлись два антипода. Михаил Станкевич - пятидесятилетний ветеран, гений позиционной игры, человек-скала. И Даниил Крамер - двадцативосьмилетний вундеркинд, агрессивный, дерзкий, играющий в шахматы так, словно он взламывает банковский сейф.

Трагедия произошла на четвертом часу решающей партии. Станкевич, игравший белыми, провел блестящую комбинацию. Он забрал черного ферзя Крамера, сделал глоток воды, нажал на кнопку часов и вдруг замер. Его лицо исказила гримаса боли. Он судорожно схватился за горло, опрокинув графин с водой, захрипел и рухнул прямо на доску, сметая фигуры на пол. Через три минуты врач скорой помощи, дежуривший в зале, констатировал смерть.

Когда я прибыл на место, игровой зал напоминал потревоженный улей, из которого выкачали весь воздух. Зрителей уже вывели. В центре огромного пустого помещения, за освещенным софитами столом, сидел бледный Даниил Крамер. Он смотрел на тело своего соперника, накрытое медицинской простыней, не мигая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.